
В. Н. БАСКАКОВ

Памятники русской средневековой литературы в польских переводах и исследованиях

В польской литературной науке эпоха русского средневековья долгое время почти не привлекала к себе внимания. Научная мысль XIX в. и литературоведение междувоенного времени не отличались широтой и плодотворностью исследований в этой области русистики. Лишь в послевоенные годы польская наука, поставившая своей задачей всестороннее освоение русского литературного процесса, сделала заметные шаги в изучении древнерусской литературы и ее важнейших памятников, добилась серьезных успехов не только в переводе и популяризации литературного наследия этой эпохи, но и в его изучении. Древнерусская литература постепенно, но с каждым годом все более и более привлекает внимание польской русистики. Переводы памятников, их научные издания, исследования, посвященные русскому литературному процессу X—XVII вв. и русско-польским связям старшей поры, наконец, ряд обобщающих трудов, учебных курсов и пособий по литературе Древней Руси — все это говорит о живом интересе польских читателей и польской научной мысли к литературе русского средневековья, о перспективности дальнейших исследований в этой области. Сейчас польские ученые изучают художественную систему литературы Древней Руси, выясняют роль и значение средневекового искусства для русского литературного развития позднейших эпох, исследуют его связи с польской культурой. Чтобы создать наиболее полное представление о восприятии древнерусской литературы и ее изучении в послевоенной Польше, необходимо прежде всего рассмотреть польские переводы важнейших литературных памятников Древней Руси, осуществленные в последние десятилетия, и оценить работу польских литературоведов и историков по их изучению, комментированию и научному изданию. Это необходимо потому, что литературный текст составляет основу всякого филологического исследования, и перевод его на польский язык, степень изученности памятника в Польше, характер его комментирования предопределяют круг интересов польских медиевистов, а также научный уровень проводимых в этой области работ. Сегодня польская наука уже не ограничивает свою деятельность эпизодическим обращением к «Слову о полку Игореве» или «Повести временных лет», как это было раньше, а ведет исследования, охватывающие многие этапы и явления литературного процесса Древней Руси.

Восприятие и изучение древнерусской литературы в современной Польше может и должно быть предметом большого специального исследования. В настоящей статье дается лишь характеристика польских переводов важнейших памятников нашей старинной литературы, их научных изданий. Такое ограничение темы объясняется не только сложностью вос-

приятия русской средневековой литературы на польской почве, но и тем обстоятельством, что переводы древнерусских памятников и сопровождавшие их исследования, изданные в послевоенные годы, сами по себе представляют крупнейшие достижения в области русистики. Вокруг этих переводов в значительной степени концентрируется изучение русской средневековой литературы в Польше.

Переводы на польский язык осуществляют, как правило, виднейшие ученые, работающие в этой области. Среди них А. Обрембская-Яблоньская, В. Якубовский, М. Якубец, Ф. Селицкий. В числе переведенных и изданных в последние десятилетия памятников — «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, сочинения протопопа Аввакума, «Записки путешествия. . . боярина Бориса Петровича Шереметьева».

Характер исследования этих памятников и форма их публикации во многом связаны с особенностями восприятия публикуемого произведения в Польше. Если «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет» в этой стране известны давно, то другие памятники, в том числе сочинения протопопа Аввакума и Афанасия Никитина, ранее были недоступны польскому читателю и в польской литературе и науке отражения почти не находили. В первом случае исследование, сопровождающее публикацию перевода, ориентировано не только на изучение самого произведения — это в достаточной степени сделано советской наукой, — но и на восстановление его польской рецепции со всеми ее закономерностями и подробностями. И надо сказать, что для нашего литературоведения именно эта часть исследования представляет наибольший интерес, так как она демонстрирует широкое признание памятника в Польше, тем самым включая его в круг проблем, свидетельствующих о мировом значении русской литературы, в том числе и средневековой.

Издания памятников древнерусской литературы осуществляются либо Комитетом славяноведения Польской Академии наук, либо выпускаются в составе второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa». По характеру научного аппарата названные издания, конечно, различаются и характером вступительных статей, и особенностями комментария, оставаясь, несмотря на эти отличия, лучшими образцами научных изданий, в настоящее время осуществляемых в Польше. Если попытаться провести параллель с существующими в советской науке типами изданий, то издания Польской Академии наук будут соответствовать тем публикациям — исследованиям памятников, которые ведет Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома, а издания «Biblioteki Narodowej» — серии «Литературные памятники».

Издание памятников древнерусской литературы в Польше в настоящее время можно рассматривать как основу для изучения литературы этой эпохи польской русистикой, и продолжение этой работы приведет к расширению проблематики исследований, их углублению и усилению древнерусского раздела польской русистики, находящегося в настоящее время, несмотря на сравнительную многочисленность исследований, еще в стадии формирования.

1

Знакомство польского читателя со «Словом о полку Игореве» состоялось в Польше в начале XIX в. Первое упоминание об этом памятнике, сделанное Киприаном Годобским, относится к 1804 г. С тех пор и до сегодняшнего дня «Слово о полку Игореве» постоянно привлекает к себе внимание польских писателей, критиков, ученых. На польском языке сейчас существует обширнейшая литература об этом памятнике, требую-

щая специального исследования, и несколько переводов, прозаических и поэтических, также нуждающихся в анализе как с точки зрения точности воспроизведения на польском языке образной системы памятника, так и художественного уровня этих переводческих работ.

В послевоенные годы «Слово о полку Игореве» было издано в Польше дважды и оба раза в переводе Юлиана Тувима, который, по общему признанию, создал лучшее поэтическое переложение этого памятника. Первое из этих изданий вышло (как несколько позднее и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина) в составе второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa» (№ 50) в 1950 г. под редакцией и с предисловием профессора Вроцлавского университета Мариана Якубца. Другое издание осуществлено четыре года спустя, в 1954 г., профессором Антониной Обрембской-Яблоньской (PIW). Несмотря на то что эти переводы предназначались для разных читательских кругов, их прежде всего следует рассматривать как научные издания, впервые давшие польскому читателю столь широкое и многостороннее представление о «Слове о полку Игореве».

В составе «Biblioteki Narodowej» впервые «Слово о полку Игореве» было издано в 1928 г. в первоначальном варианте перевода Ю. Тувима под редакцией и с предисловием А. Брюкнера. Однако это издание, почти лишенное комментария и предваренное кратким вступлением общего характера, не имело научного значения и не давало польскому читателю достаточных сведений, исторических и литературных, необходимых для понимания идейного и художественного смысла памятника. Впрочем, это следует отнести не только к публикации «Слова о полку Игореве», но и к целому ряду других литературоведческих публикаций и исследований, осуществленных в 20-е гг., которые не отличались высоким научным уровнем, соответствовавшим, впрочем, уровню междувоенной литературоведческой русистики в целом.

Первое послевоенное издание «Слова» является результатом серьезного изучения памятника, его истории и значения для последующего развития русской литературы, а также процесса восприятия и бытования «Слова о полку Игореве» на польской почве, отмеченного яркими и значительными явлениями как переводческой, так и научно-критической мысли XIX и XX вв.¹ Широта процесса восприятия во многом предопределила характер, содержание и композицию исследований, предваряющих публикуемые переводы Ю. Тувима. Предпринятая в рамках «Biblioteki Narodowej» публикация «Слова о полку Игореве» является первым обращением этого издания к русской литературе в послевоенные годы. И надо сказать, что опыт оказался удачным прежде всего потому, что предисловие и комментарии были написаны известным знатоком русской литературы М. Якубцем. Успех этого первого обращения к русской литературе во многом предопределил научный уровень и оформление последующих публикаций (к сегодняшнему дню в этой серии вышло около тридцати изданий произведений русской литературы XII—XIX вв.).

Статья М. Якубца интересна прежде всего обобщением материала, относящегося к области русско-польских взаимосвязей. В ней рассматривается восприятие «Слова о полку Игореве» в Польше начиная с первых обращений к нему К. Гodeбского до перевода Ю. Тувима, причем преимущественное внимание уделено отражению памятника в критической и научной литературе. Для начала 50-х гг. исследование М. Якубца было итогом длительной работы по освоению этого памятника древней русской литературы в польской культуре и науке.

¹ Słowo o wyprawie Igora. Przełożył J. Tuwim, wstępem i objaśnieniami opatrzył M. Jakóbiec. Wyd. II, zmienione. Wrocław, Ossolineum, 1950. (Biblioteka Narodowa. Ser. II, N 50).

Издание, подготовленное А. Обрембской-Яблоньской, интересно с точки зрения текстологии.² Памятник публикуется на древнерусском языке в прочтении академика А. С. Орлова, сопровождается вариантами по другим изданиям и пространными комментариями исторического, литературного и языковедческого характера. Затем следует филологический перевод, выполненный А. Обрембской-Яблоньской и З. Федецким, и поэтический перевод Ю. Тувима. Издание завершается фототипическим воспроизведением первого издания «Слова о полку Игореве», т. е. дается весь комплекс текстов, необходимых для исследователя. Если учесть, что текст «Слова» дан в сопровождении довольно пространных комментариев и библиографических справок, то надо признать, что по сравнению со всеми предшествующими польскими изданиями «Слова о полку Игореве» данное издание является лучшим по своей полноте и уровню научного воспроизведения текстов.

Исследование А. Обрембской-Яблоньской, предваряющее публикацию текстов, озаглавлено «Историческое и культурное значение произведения». Автор подробно рассматривает историю открытия «Слова», отражение похода Игоря в русских летописях, исторические обстоятельства, сопутствовавшие появлению памятника, развивает критику текста и выясняет литературное происхождение «Слова», его художественные достоинства и особенности, дает обзор и критику выступлений скептиков, относящих «Слово» к более поздним эпохам или считающих его подделкой. Завершается исследование обширной главой о польских переводах и переделках «Слова». Переводили его в Польше неоднократно. Уже в 1806 г. появился частичный перевод памятника, выполненный К. Гобебским. Позднее по частям или полностью «Слово» переводили Б. Раковецкий (1820), С. Линде (1823), К. Бродзинский (1823), Л. Семеньский (1833), А. Белевский (1838), А. Красиньский (1856), Б. Лепки (1905), Ю. Тувим (1928). Эти переводы и являются главным предметом внимания автора, тщательно анализирующего и рассматривающего их художественные особенности, приемы переводчиков, уровень и популярность переводов. И здесь необходимо отметить, что последний перевод, выполненный Ю. Тувимом в 1928 г. и позднее им неоднократно перерабатывавшийся, представляет, конечно, шедевр переводческого искусства не только польского, но и мирового, он является как бы заключительным и самым совершенным звеном более чем полуторазекового процесса восприятия «Слова» в польской литературе, культуре, науке.

В целом книга 1954 г. представляет собой одно из наиболее совершенных зарубежных изданий «Слова» и открывает широкие перспективы для дальнейшей популяризации и изучения этого памятника в Польше.

2

Наряду с работой А. Обрембской-Яблоньской по «Слову о полку Игореве» незаурядным явлением польской русистики является перевод и исследование «Повести временных лет» профессора Вроцлавского университета Франтишека Селицкого.³

Этому исследованию памятника присуща оригинальность восприятия, широта постановки проблем и тщательность их аргументации, построенной на обширнейшей источниковедческой основе. Оно содержит не только

² Słowo o wyprawie Igora. Oprac. A. Obrębska-Jabłońska. Przekł. poetycki J. Tuwim. Przekł. fil. A. Obrębska-Jabłońska i Z. Fedeci. Warszawa, 1954.

³ Powieść minionych lat. Charakterystyka historycznoliteracka, przekł. i kom. F. Sielicki. Red. nauk. M. Jakóbiec, W. Jakubowski. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968. 464 s.

всестороннее рассмотрение памятника, но прослеживает с исчерпывающей полнотой процесс его восприятия в Польше, характер воздействия его на польскую словесность, науку, культуру.

История бытования и восприятия в Польше «Повести временных лет» восходит к XIV в., когда в польских хрониках появились упоминания русского летописного свода или реминисценции из него. Работа Ф. Селицкого суммирует на современном уровне развития науки все то, что было в этой области сделано раньше.

Исследование Ф. Селицкого, посвященное «Повести временных лет», складывается из двух больших разделов, в первом из которых русская летопись рассматривается как исторический и литературный памятник эпохи, во втором — исследуется ее восприятие в Польше.

Ф. Селицкий стремится дать всестороннюю характеристику памятника с точки зрения его источников, исторического содержания, этнографии и культуры, религии и т. д. Таким образом, в статье Ф. Селицкого содержится характеристика русского летописания, оценка источников «Повести», роли и значения ее для литературы своей поры и подробнейший анализ содержания памятника с определением его основных тем и мотивов (описания битв, силуэты и некрологи князей, астрономические явления, хозяйство и т. д.). Столь подробный разбор памятника на широком историческом фоне рассчитан прежде всего на польского читателя, обращающегося к основательному изучению произведения другого народа. Для советского же читателя и исследователя наибольший интерес в первой части представит глава о польских мотивах в «Повести временных лет». Несмотря на то что польские элементы и мотивы в летописи встречаются не часто, они важны для изучения истории Польши и польско-русских отношений древней поры. Среди них Ф. Селицкий выделяет несколько групп, из которых к первой относятся географические данные о Польше, т. е. упоминания польских племен, местностей, городов, рек и т. д. Наибольшее внимание при этом исследователь отводит происхождению слова «лях», анализу записи 981 г. о взятии князем Владимиром Перемышля и «червенских» городов, упоминаниям в «Повести» Болеслава Храброго и Болеслава Смелого, польско-русским отношениям в эпоху Казимира I. С такой полнотой *rolonisa* «Повести» изучается впервые и впервые обобщается весь накопленный материал, относящийся к этим вопросам. Однако польская тематика в первой части исследования лишь намечена.

Вторая часть исследования — пространный очерк о судьбе «Повести временных лет» в Польше с древнейших времен до наших дней, от первых обращений к ней авторов польских хроник до последних отражений ее в литературе и научном процессе, очерк, свидетельствующий о широком распространении в Польше известий о русской летописи, популярности ее текста и переводов. Этот памятник сыграл важную роль в становлении польско-русских историко-культурных и научных контактов. Ф. Селицкий рассматривает «Повесть временных лет» как источник зарождения литературных связей русских и поляков. Благодаря обращению именно к этой теме польские труды Меховиты, Кромера, Кояловича «получили европейскую известность».⁴ Кроме того, «Повесть» позволила польским историкам средневековья (Длугош, Бельский, Стрыйковский, Нарушевич) «лучше, всестороннее и правдивее отразить начальную историю Польши, тем более что собственные источники в этой области были, как известно, очень бедны».⁵ Изучению «Повести временных лет» и русских летописей в послевоенной Польше, обзору и анализу трудов Г. Ловмян-

⁴ Ibid., p. 195.

⁵ Ibid.

ского, С. Кручиньского, А. Грабского, Т. Лер-Сплавиньского и др. Ф. Селицкий посвящает специальную главу.⁶

В заключении к своей работе автор приходит к интересному и неожиданному выводу: «Ни одно произведение русской художественной литературы. . . не может равняться, с точки зрения его известности в Польше, с «Повестью временных лет».⁷

Перевод «Повести временных лет», сделанный Ф. Селицким, основывается на советском издании этого памятника, подготовленном Д. С. Лихачевым и изданном в серии «Литературные памятники» в 1950 г. Таким образом, перевод сделан по Лаврентьевскому списку, но в примечаниях приведены или пересказаны некоторые варианты по Ипатьевскому и другим спискам. Перевод осуществлен не по оригиналу летописи, а по его русскому переводу (изданному в 1950 г. и переизданному в 1957 г.). Оригинал привлекался переводчиком только в качестве контрольного текста, однако в результате сопоставления текста летописи с русским переводом Ф. Селицкому удалось обнаружить в русском переводе некоторые неточности и предложить к нему ряд лексических поправок.⁸

3

Записки о путешествии в Индию в 1466—1472 гг. тверского купца Афанасия Никитина, переведенные на основные европейские языки⁹ и известные в переводах и переложениях в Индии, в славянских странах привлекли внимание лишь в послевоенные годы: в 1951 г. перевод их появился в Чехословакии,¹⁰ в 1952 г. к этому памятнику обратились польские ученые и переводчики.

Польский перевод, сделанный профессором Ягеллонского университета в Кракове Е. Вильман-Грабовской, вышел в свет во второй (иностранной) серии «Biblioteka Narodowa» (вып. 72). Большая вступительная статья, предвещающая перевод, написана Е. Вильман-Грабовской совместно с известным исследователем русской литературы профессором В. Якубовским; последнему принадлежат и многочисленные, порою весьма пространные комментарии к тексту памятника.¹¹

Выбор для перевода и публикации в серии «Biblioteka Narodowa» «Хождения» Афанасия Никитина был сделан чрезвычайно удачно: для польского читателя оно представляет большой исторический интерес, знакомит с бытовым укладом, хозяйством, культурой и обычаями Индии XV в., тема которой в польской литературе того времени не нашла отражения.

Вступительная статья представляет серьезное, оригинальное исследование, построенное на широком круге источников и в то же время рассчитанное на читателя, впервые встречающегося с этим произведением. Авторы рассматривают записки Афанасия Никитина на широком историческом и литературном фоне, сопровождая свой анализ обширными экскурсами в историю стран, описываемых русским путешественником. Исторический фон включает не только общую характеристику эпохи, но и со-

⁶ Ibid., p. 179—195.

⁷ Ibid., p. 195.

⁸ Ibid., p. 199—207.

⁹ Перечень переводов на европейские языки см. в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.—Л., 1958, с. 255.

¹⁰ Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. V. Lesný. Praha, 1951.

¹¹ Atanazy Nikitina. Wędrowka za trzy morza. Przeł. H. Willman-Grabowska. Wstęp. i objaśn. zaopatr. W. Jakubowski, H. Willman-Grabowska. Wrocław, 1952. 56 s. (Biblioteka Narodowa, N 72).

держит обстоятельный анализ тогдашнего положения Тверского княжества и литературы Твери, среди памятников которой «Хожение» Афанасия Никитина занимает особое место.¹² «Хожение за три моря» рассматривается на фоне общего процесса развития русской литературы XV в. Это обязывает польских исследователей обратиться к жанру древнерусских путешествий в целом, чтобы точнее определить роль, место и значение записок Афанасия Никитина в формировании названного жанра и в развитии русской общественной мысли эпохи средневековья. Правда, очерк, посвященный жанру путешествий, представляет собою беглое обозрение, но необходимо учесть, что это было первое обращение польской науки к жанровому анализу путешествий, продолженному и углубленному Ф. Селицким при публикации дневников путешествия боярина Шереметьева.

В статье достаточно подробно освещаются представления об Индии, существовавшие в древности, отношения средневековой Руси с Востоком, излагаются необходимые сведения о Персии XV в. и об Индии времен пребывания там Афанасия Никитина. Ряд глав посвящен анализу публикуемого произведения, характеристике его автора как писателя, исследователя и человека.

Сравнение оригинала и польского перевода показывает, что последний сделан по Троицкому списку без обращения к спискам XVI в. (Этгеров список) и XVII в. (список Ундольского), хотя о них и сообщается во вступительной статье. Перевод полный и очень точный, выполнен непосредственно с древнерусского текста, а не с его переводов, сделаны многочисленные пояснения в примечаниях, касающиеся языка оригинала.

Конечно, на построение вступительной статьи и комментирование памятника оказало влияние советское научное издание «Хожения» 1948 г., осуществленное Б. Д. Грековым и В. П. Адриановой-Перетц (второе дополненное и переработанное издание вышло в 1958 г.). К сожалению, в отличие от польских изданий «Слова о полку Игореве» или «Повести временных лет» появление в Польше перевода «Хожения за три моря» пока не вызвало дальнейшего изучения этого памятника.

4

Опубликованные в польском переводе в 1975 г. дневники путешествия боярина Бориса Шереметьева 1697—1698 гг. ближе польскому читателю, чем «Хожение» Афанасия Никитина и другие памятники древнерусской литературы, так как одна из глав посвящена непосредственно Польше, которую автор посетил, направляясь в Австрию и Италию.¹³ Польская тема наиболее интересна и значительна именно в этом произведении, чем и обусловлен выбор книги для перевода.

Исследование, публикация и перевод памятника осуществлены профессором Вроцлавского университета Франтишеком Селицким, который в предисловии подчеркнул важность этой работы для изучения польско-русских связей: «Мы считаем, что она заинтересует широкий круг читателей, особенно исследователей русско-польских и русско-европейских контактов, политических, дипломатических, научных, языковых и общекультурных, интересными реалиями и новым, до тех пор не встречавшимся на Московской Руси отношением к „еретической“ Польше и Европе».¹⁴

¹² Ibid., p. XII.

¹³ F. Sielicki. Podróż bojarzyna Borysa Szeremietiewa przez Polskę i Austrię do Rzymu oraz na Maltę. 1697—1698. Z dziejów kontaktów kulturalnych Rusi Moskiewskiej z Polską i Zachodem. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975. 343 s. (Polska Akademia Nauk. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Biblioteka).

¹⁴ Ibid., p. 7.

Фельдмаршал Б. П. Шереметьев (1652—1719), один из выдающихся сподвижников Петра I, принимал участие в формировании внешней политики России, в установлении дипломатических отношений с Польшей. Видную роль он играл в переговорах с австрийским и польским посольствами в 1685—1686 гг., прибывшими в Москву для заключения союза против турок, а также для ратификации договора в 1686 г. при дворе польского короля Яна Собеского.

В феврале 1697 г., почти сразу же после подписания антитурецкого пакта между Россией, Австрией и Венецией, за границу отправилось так называемое Великое посольство во главе с Францем Лефортом, в составе которого находился Петр I, а три месяца спустя с аналогичной миссией из Москвы выехал Б. П. Шереметьев. Задачей миссии, возглавлявшейся Б. П. Шереметьевым, как пишет Ф. Селицкий, было «знакомство с организацией морских вооруженных сил в европейских государствах, а также проведение переговоров с польским королем, австрийским императором, венецианским дожем, папой Римским и Великим магистром Мальтийского ордена о подготовке многостороннего союза против Турции».¹⁵

Неизвестный нам спутник Шереметьева, составлявший по его поручению дневники путешествия, начал вести их сразу же, едва миссия выехала из Москвы. Эти дневники представляют собой яркий факт общественно-политической и культурной жизни и сохраняют до настоящего времени значение исторического документа, проливающего свет на многие обстоятельства дипломатической миссии Б. П. Шереметьева.

Исследование, сопровождающее публикацию перевода «Записок путешествия боярина Бориса Шереметьева», состоит из трех частей. Первая из них посвящена генеалогии рода бояр Шереметьевых, связанных родственными узами с родом Романовых. Изложив существующие генеалогические версии, Ф. Селицкий подробно останавливается на исследовании роли Шереметьевых в исторических событиях XVI в., а также восстанавливает — и довольно подробно — биографии крупнейших представителей этого рода: Федора Ивановича Шереметьева, члена Семiboldяры, участвовавшего в переговорах об избрании на русский престол польского королевича Владислава, и Василия Борисовича Шереметьева, также близко связанного с польскими делами по военной и дипломатической линиям.

Наибольший интерес представляет, конечно, центральная, вторая, глава исследования, посвященная фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву, его биографии, государственной, военной, дипломатической деятельности и его путешествию по Европе в 1696—1698 гг. Привлекая широкий круг источников, Ф. Селицкий с особым вниманием рассматривает те эпизоды деятельности Шереметьева, которые связаны с Польшей. В дневниках путешествия, публикуемых в польском переводе, для нас интересны прежде всего те страницы, которые заполнялись при переезде через Польшу по пути в Австрию, Италию и обратно. Записи эти в большинстве своем содержат очень лаконичные сведения о населенных пунктах, о расстоянии между ними, о дорогах, о бытовых условиях путешествия и, что самое главное, о многочисленных встречах, приемах и речах. Дневник путешествия Шереметьева сообщает читателю много географических, экономических и этнографических данных, связанных с Польшей и польским народом, а также с максимальной полнотой фиксирует все события, связанные с миссией Шереметьева. Особенно любопытны описания встреч с королем Августом в Кракове и тексты произнесенных при этом речей.

¹⁵ Ibid., p. 54.

В своем исследовании Ф. Селицкий последовательно рассматривает отраженные в дневнике факты, комментирует их и определяет роль и значение дневника как исторического документа. Самостоятельные главы второго раздела посвящены Австрии, Италии и Мальте и описанию обратного пути в Россию, также лежавшего через Польшу. Анализ дневника, данный Ф. Селицким, связывает многочисленные описанные в нем события в единую цепь, подчеркивая тем самым политическое значение миссии Шереметьева.

Исследование завершается обзором литературы русских путешествий, который, как отмечает исследователь, имеет свои особенности: внимание в нем обращено прежде всего «на отношение русских путешественников к осматриваемым ими христианским святыням, к католицизму, к этикету западных дворов», то есть акцентируются те мотивы, которые доминируют в «Записках путешествия Бориса Петровича Шереметьева». ¹⁶ Таким образом, главное внимание в этом разделе исследования Ф. Селицкого уделяется литературным памятникам, отражающим путешествия «ко святым местам» в Константинополь и Иерусалим, начиная с записок игумена Даниила (1106—1108) и кончая описанием путешествия полоцкого монаха Варсонофия в Иерусалим в 50—60-х гг. XV в. К этому же времени относятся и первые русские описания Западной Европы, важнейшее место среди которых занимает цикл записок о путешествии московского митрополита Исидора на Флорентийский собор в 1437—1440 гг.

Описания путешествий XVI в. представлены в исследовании Ф. Селицкого преимущественно «статейными списками», т. е. письменными отчетами послов, вернувшихся из-за рубежа. Такой принцип отбора материала привел к тому, что в обзор попали некоторые второстепенные записки, и в то же время в нем отсутствует ряд крупнейших памятников этого жанра (в том числе «Хождение» Афанасия Никитина), которые не относятся к области польско-русских отношений и не трактуют проблем католицизма. В XVII в. литература путешествий довольно многочисленна, но по-прежнему, как правило, она ограничивается дневниками посольств и экспедиций, направлявшихся за рубеж с дипломатическими или познавательными целями. Среди произведений этого жанра, современных дневнику Б. П. Шереметьева, Ф. Селицкий рассматривает описание путешествия стольника Петра Толстого, выехавшего из Москвы почти одновременно с Шереметьевым и подробно описавшего в записках свое пребывание в Польше.

Русская литература путешествий была очень обширна и отличалась высокими познавательными качествами, но в обзоре Ф. Селицкого она рассмотрена главным образом с точки зрения восприятия русскими авторами Запада и отношения их к католицизму, который долгое время «был препятствием в установлении дружеских контактов России и Польши», ¹⁷ хотя с середины XVII в. он стал играть в какой-то степени и положительную роль. По мнению Ф. Селицкого, он «привлекал к себе русских своими святынями, а также благотворительными и просветительскими функциями, дружески настраивая их к западной культуре», но русские путешественники конца XVII в. «не сумели в набожности и положительной деятельности западного костела увидеть его „темных пятен“». ¹⁸

Обзор литературы русских путешествий завершается характеристикой литературных особенностей дневника Шереметьева и определением его места в процессе развития данного жанра. Ф. Селицкий отмечает, что

¹⁶ Ibid., p. 121.

¹⁷ Ibid., p. 184.

¹⁸ Ibid., p. 185.

дневник Шереметьева «... принадлежит к обоим родам литературы путешествий: к дневникам посольств и к собственно литературе путешествий».¹⁹ Рассматривая состав и композицию дневника, исследователь высказывает предположение относительно личности спутника Шереметьева, которому было поручено ведение дневника, анализирует стиль, язык и отличительные особенности трех русских публикаций текста произведения. Перевод дневника осуществлен Ф. Селицким по первому изданию 1773 г., наиболее полному, содержащему многочисленные документы и речи, в последующих публикациях опущенные.

Перевод этого памятника на польский язык, конечно, представляет немалые трудности ввиду лаконичности записей и насыщенности текста географическими названиями, собственными именами и специфическими русскими выражениями. Однако переводчику, имеющему большой опыт в работе над памятниками древней русской литературы, удалось создать текст, передающий польскому читателю не только фактическое содержание дневника, но и колорит языка, которому временами присущ некоторый дух канцеляризма. Текст памятника передается полностью, включая и многочисленные содержащиеся в нем документы, что позволяет оценить работу Ф. Селицкого, кроме всего прочего, как несомненный вклад в изучение польско-русских отношений XVII в.

3

Вслед за «Словом о полку Игореве» самым известным и популярным памятником за рубежом, пожалуй, является «Житие» протопопа Аввакума: к нему всего чаще обращаются переводчики. Сочинения Аввакума — особенно его «Житие» — переведены на английский (1924, 1950), французский (1938, 1960), итальянский (1926), немецкий (1930, 1965), турецкий (1926), венгерский (1971) языки, в отрывках — на болгарский, шведский, японский. Однако в Польше ни «Житие», ни другие сочинения Аввакума до последнего времени не переводились и в научной литературе отражения почти не находили.

В послевоенные годы к изучению наследия Аввакума, его роли в развитии русской культуры и общественно-религиозного движения обратился профессор Ягеллонского университета в Кракове Виктор Якубовский. Еще в 1948 г. он выступил с краткой, но обобщающей характеристикой творчества Аввакума, представив его на фоне идейно-религиозных противоречий в России XVII в.²⁰ Затем последовали его работы: «Польские друзья протопопа Аввакума»²¹ и «Из истории русских старообрядческих колоний на Мазурах».²² Эти труды положили основу для более широкого изучения жизни, деятельности и литературно-публицистического наследия писателя, результаты которого напечатаны в 1972 г. при публикации первого польского перевода сочинений Аввакума, выполненного В. Якубовским,²³ и в специальной главе, посвященной старообрядческой

¹⁹ Ibid., p. 171.

²⁰ W. J a k u b o w s k i. Protopop Awwakum na tle walk udeoworeligijnych w Rosji XVII stulecia. — Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności, 1948, N 1, s. 7—11.

²¹ W. J a k u b o w s k i. Polskie przyjaciele protopopa Awwakuma. — Ruch Literacki, 1963, N 4, s. 183—192.

²² W. J a k u b o w s k i. Z historii kolonij staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach. — Slavia orientalis, 1961, N 1, s. 81—103.

²³ Żywot protopopa Awwakuma przez niego samego nakreślony i wybór innych pism. Przełożył oraz wstęp. i kom. oratrz. W. Jakubowski. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972. 358 s. (Komitet słowianoznawstwa PAN).

литературе и дважды (1970, 1976) напечатанной в двухтомном курсе по истории русской литературы.

Конечно, основным среди названных трудов В. Якубовского является перевод сочинений Аввакума с исследованием, его предваряющим. Это исследование, в своей центральной части посвященное жизненному пути Аввакума и анализу его наследия, ведется на фоне русского раскола, современного Аввакуму, и судеб раскола в позднейшие эпохи. Это позволяет польскому читателю более глубоко проникнуть в смысл анализируемых произведений писателя, «трагическая судьба которого отражает общественные противоречия России в переломный период ее истории, накануне перехода от средневековья к новым формам быта». ²⁴ По словам В. Якубовского, Аввакум был не только «вызывающим уважение героическим бойцом за совершенно чуждые нам сегодня идеи, но также пламенным защитником принципов справедливости, великим писателем, талантливым в самой высшей степени, великолепным стилистом». ²⁵

Опираясь на широкий круг источников, преимущественно русских, В. Якубовский раскрывает причины происхождения раскола, излагает принципиальные расхождения, вызвавшие это явление в русской жизни XVII в., воспроизводит ту историческую обстановку, в которой раскол зародился и в которой проходили первые этапы его развития, связанные с именем и деятельностью протопопа Аввакума. И надо сказать, что сущность раскола и состояние русской церкви в XVI—XVII вв. освещены В. Якубовским с глубоким знанием дела, как, впрочем, и биография Аввакума, в которой собраны и проанализированы мельчайшие детали, известные на сегодняшний день нашей науке.

Обращаясь к литературному наследию Аввакума, В. Якубовский обсуждает вопрос об автобиографичности его «Жития» и полемизирует с теми литературоведами, которые видят в произведениях Аввакума влияние барокко.

Для польского читателя особый интерес представляет глава о судьбах старообрядчества после сожжения Аввакума, поскольку в польской науке этот вопрос так подробно затрагивается В. Якубовским впервые.

К исследованию приложена библиография сочинений Аввакума, вышедших на русском языке, и работ о нем на русском и иностранных языках. К сожалению, в ней не учтены рецензии и отклики польских ученых, а также публицистические литературные произведения, связанные с именем Аввакума. Между тем рецензии наследия Аввакума в Польше следовало бы уделить внимание и в самом исследовании, так как этот вопрос еще никогда не рассматривался и изучение его было бы весьма плодотворно.

Выполненный В. Якубовским перевод «Жития» Аввакума — полный, сохраняющий особенности аввакумовского стиля. Однако конструкция текста у В. Якубовского несколько отличается от общепринятой в советских изданиях. Так, например, «Житие» начинается абзацем из редакции В, а так называемое «Предисловие» («По благословению отца моего старца Епифания бог простит и благословит. Аминь») отнесено в раздел вариантов, что вряд ли можно считать правильным, так как тем самым в окончательную редакцию вводится текст Епифания, а текст Аввакума рассматривается как вариантный. Разделение «Жития» на главы также произведено В. Якубовским без учета опыта советских изданий. Его разделение отличается большей дробностью, в связи с чем в текст вводится

²⁴ Ibid., p. 5.

²⁵ Ibid.

целый ряд новых редакторских заглавий (в советском издании 1960 г. «Житие» разделено на 8 глав, В. Якубовский выделил в этом произведении 19 главок).

Кроме «Жития», В. Якубовским были переведены отрывки из «Книги бесед», из «Книги толкований», «Книги обличений, или Евангелия вечного», а также ряд писем и челобитных — образцы литературно-публицистических работ Аввакума, раскрывающих разносторонний характер деятельности писателя.

Появление сочинений протопопа Аввакума в польском переводе открывает читателям Польши еще одну замечательную страницу русской истории и литературы и будет способствовать созданию у них более полного представления о культуре и литературном процессе русского средневековья.